

Дышкант Татьяна Николаевна, кандидат философских наук,
доцент кафедры философии Национального технического университета
«Харьковский политехнический институт», Украина

e-mail: tatdysh@i.ua

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5026-7913>

О СУЩНОСТИ И ГЕНЕЗИСЕ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА И ВОЗМОЖНОСТЯХ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

В статье акцентируется внимание на не всегда корректном использовании терминологии в литературе, посвященной проблемам права, что связано с расплывчатостью и многозначностью некоторых понятий. На этом основании уточняется значение понятия «правовой нигилизм», относимого к сфере правосознания. Обусловлена необходимость различать сущность и причины данного негативного явления, что облегчает поиск подходов к его преодолению. Проанализированы основные возможности формирования правового сознания. Выяснено, что эффективное решение данной проблема может иметь при условии анализа целого комплекса объективных причин, в основном политического и экономического характера.

Ключевые слова: право, закон, правовой нигилизм, юридический нигилизм, формирование правосознания, фактор постмодернизма.

Постановка проблемы. Термин «нигилизм» имеет достаточно долгую историю. Активное задействование в философии это понятие обрело благодаря учению Ницше, где нигилизм определялся как состояние отрицания общеевропейских ценностей, норм общественной и государственной деятельности. Какие значения возникают при добавлении к данному понятию определяющего слова «правовой» и насколько корректно использовать данное словосочетание в правовых науках, попробуем разобраться в данной статье.

Правовой нигилизм обычно характеризуют как кризис правосознания, выражающийся в отрицании способности государственных институтов обеспечить функциональную действенность прав, выраженных в законах. Данное состояние чревато негативными последствиями и в конечном итоге является разрушительным для государственности. Поэтому важно проанализировать сущность и генезис правового нигилизма.

Анализ последних исследований и публикаций. О правовом нигилизме как о негативном отношении к праву, законам, нормативному порядку сказано

достаточно много. Среди отечественных ученых, исследовавших отдельные аспекты правового нигилизма, следует выделить работы А. М. Бандурки, В. В. Головченко, О. Г. Данильяна, А. Н. Колодий, Л. В. Кравченко, П. М. Рабиновича и др. Правовой нигилизм рассматривают в связи с проблемой эффективности правового воспитания, изучают это явление в историческом контексте, описывают деструктивные формы его проявления, но при этом не разделяют понятия «право» и «закон», а это делает содержание понятия «правовой нигилизм» избыточным. Как будет показано далее, неправомерно отождествлять данные понятия. Это говорит о том, что, несмотря на присутствие внимания к данной важнейшей проблеме в литературе, посвященной проблемам права, остается еще достаточно неопределенности в понимании сущности и причин возникновения правового нигилизма, требующей уточнения и корректирования.

Формулировка цели. Уточнить значение понятия «правовой нигилизм» через сопоставление данного явления с различными формами проявления и тем самым конкретизировать его сущность и истоки происхождения. Это позволит, в свою очередь, определиться с возможностями его преодоления.

Изложение основного материала. Как известно, наука включает в себя теорию и практику. Дилемма правовой науки именно как науки при широком рассмотрении состоит в следующем: необходимость нормализации практики, где право выполняет задачу регулятора человеческого поведения, требует четкости и ясности правового дискурса, но расплывчатость базовых понятий правовой науки затрудняет достижение данных целей. Ведь без выявления особенностей соотношения таких понятий, как «право» и «свобода», «право» и «справедливость», выхолащивается содержательная сторона системы права. Здесь правовая наука входит в сферу метанауки как своего предельного основания.

Однако данная понятийная «размытость» начинается уже с самого понятия «права». В правовом взаимодействии присутствуют две стороны: государство и человек. И в подходе к пониманию сущности права можно отталкиваться от одной из сторон. Так, выражения «человек имеет права и обязанности», «свобода – неотъемлемое право человека» указывают на имманентную человеческой природе сущность права. Право выступает некой предельной границей, внутрь которой проникать запрещено какому бы то ни было субъекту (любого уровня) с какими бы то ни было намерениями. В этом отношении понятие «право» представляет цель политико-правовой деятельности человека, обеспечивающей его свободу. Выражение «бесправный человек» – это своеобразный абсурд наподобие словосочетания «живой труп». Это абсолютная объективация субъекта. Как указывал еще Томас Гоббс, есть

неотчуждаемые права, без которых человек перестает быть человеком, ради сохранения которых только и имеет смысл аппарат государственного принуждения. Возможно это тогда, когда в государстве главенствует идея верховенства права. Как сказано об этом у С. И. Максимова: «Наряду с идеальным измерением, в котором верховенство права выступает как идеал социального регулирования, обосновывая систему принципов организации и функционирования современного цивилизованного общества, оно (как любой правовой феномен) существует и в реальном выражении, как более или менее полное воплощение этого идеала в реальных процессах жизни социума, реальном верховенстве права над государственным произволом» [1, с. 28].

С другой же стороны, право – это также те возможности, которыми социум наделяет индивида, разрабатывая систему права как структурно и функционально упорядоченный массив взаимосвязанных нормативно-правовых актов (законов). В этом отношении право выполняет основные свои функции: регулятивную и охранительную.

Система права, представляя собой часть правовой системы, имеет исторический характер, а посему является условной. Так, например, рабовладельческое право закрепляло неравноправие, в том числе и среди свободных категорий населения. То есть во втором случае право является продуктом государственной власти и выступает в качестве инструмента регулирования и социального контроля. Поэтому, несмотря на неотъемлемость от человека многих прав, за них зачастую приходится бороться, например, создавая добровольные общественные объединения граждан – профсоюзы – с целью защиты их социально-трудовых прав и интересов.

Двусмысленность понятия права и как цели, и как инструмента может стать источником юридических коллизий. Облегчая себе задачу, многие правоведы сосредотачиваются на втором аспекте (инструментальной) сущности права и разрабатывают философию правового позитивизма, намеренно отвлекаясь от подхода понимания права со стороны человека.

Однако решать проблемы, вызванные двусмысленностью понятия, было бы логично разграничением заключаемых в нем значений и закреплением за каждым строго определенного содержания. На этом основании нельзя отождествлять право и закон. Понятие «право» относимо к сущности человека как такового, как существа свободного и целеполагающего. Как указывал В. А. Бачинин, цели, которым подчиняется и на которые ориентируется общественная практика (жизнь, свобода, благосостояние, личное достоинство), не изобретаются правом, а существуют в мире общечеловеческих ценностей, что делает право контрадаптивным [2, с. 12]. Поэтому скорее следует признать первичную роль права и инструментальную роль закона.

Следует, однако, отметить, что проблема соотношения права и закона актуальна в основном для отечественных исследователей проблемы, так как для зарубежной юриспруденции «данные понятия обозначаются разными словами, что позволяет избежать наложения смысловых нагрузок» [3].

Двойственность в понимании права приводит и к размытости понимания того, что же собой представляет правовой нигилизм, каковы его причины. Непонимание истинных причин затрудняет попытки избавиться от него как от крайне негативного для государства явления.

«Человеку невозможно не иметь правосознания; его имеет каждый, кто сознает, что кроме него на свете есть другие люди», – утверждал И. А. Ильин [4]. То есть в случае правосознания крайняя форма нигилизма как отрицание права возможна только в случае регрессии человека до животного уровня. Этому могут способствовать как внешние обстоятельства, например война, которая в принципе является ненормальным состоянием для человека, так и патологические изменения в психике человека, вследствие которых его действия имеют целью компенсировать свою ущербность за счет принесения вреда другим людям. В первом случае подвид правового нигилизма называют регрессивным, а во втором – возмещающим.

В некоторых источниках, указывая на возможность классификации правового нигилизма на различных основаниях, выделяют следующие его виды: издание противоречивых правовых актов; подмена законности политической, идеологической или прагматической целесообразностью; нарушения прав человека, особенно таких, как право на жизнь, честь, достоинство, жилище, имущество, безопасность [5, с. 153]. Однако вышеперечисленное скорее можно отнести к причинам правового нигилизма, искажающим правосознание человека. Некоторые авторы выстраивают уровневую классификацию правового нигилизма, например, В. А. Туманов различает правовой нигилизм на высшей ступени общественного сознания (в виде идеологических течений и теоретических доктрин); на уровне обыденного сознания; на ведомственном уровне [6].

Говоря о конкретных примерах правового нигилизма каждого уровня, мы можем обозначить такие его виды: анархизм (как теоретическая доктрина, отрицающая необходимость государственной власти); антиправовая деятельность различных неформальных организаций сектантского или мафиозного типов (на групповом уровне); диссидентство как отстаивание своих взглядов, которые радикально расходятся с принятыми на уровне официальной власти (на индивидуальном уровне). Ни в одном примере не наблюдается правовой нигилизм как совершенное отвержение права. В случае анархизма не допускается никаких принудительных действий со стороны государства, но

присутствует самодисциплина, обуславливающая поведение на основе принципов добровольности, равноправия и взаимопомощи. В этом ключе и следует рассматривать слова основателя данного течения Прудона: «Анархия – мать порядка». Здесь базовость естественных прав становится очевидной.

В случае различных неформальных организаций источник власти перемещается от государственной системы к харизматичному лидеру, который устанавливает внутри группы свои правила. И если вспомнить слова Ильина, что правосознание имеет каждый, кто сознает, что кроме него на свете есть другие люди, то в данном случае это осознание получает жесткую границу «свой – чужой».

Диссидент в переводе с латинского означает «несогласный». И означает данный термин лицо, самостоятельно всеми доступными ему законными средствами защищающее свои права ввиду отсутствия действенной системы защиты прав и свобод.

Рассматривая конкретные примеры каждого уровня, можно убедиться в отсутствии совершенного отрицания права, что предполагает термин «нигилизм». Скорее, в каждом случае наблюдается саботаж или как реакция на беззаконие государственной системы, или как действие на основании приоритетности норм и негласных законов, выработанных на основе ценностей определенной группы людей и идущей вразрез с нормами государственной правовой системы. О всецелом правовом нигилизме в истинном значении этого словосочетания можно говорить только в случаях регрессивного или возмещающего нигилизма. Но в этих случаях, как уже было сказано, наблюдается выход за пределы норм либо человеческой сущности (психические патологии), либо человеческого существования (война). Изъяны либо законотворчества, либо механизмов реализации законов, приводящие к деформации правового поля, а в крайнем случае к выходу из него, становятся причинами искажения правосознания, то есть правового нигилизма, который для более точной передачи его сущности следовало бы называть юридическим нигилизмом, подразумевая разграничение права и закона.

И правовой, и юридический нигилизм связан со сферой правосознания. Он может проявляться на общественном и индивидуальном уровнях. Существуют две не взаимоисключающие возможности избежать нигилизма, связанные с воспитанием у граждан правосознания. В первом случае через воспитание уважения к общечеловеческим ценностям, благодаря чему зарождается то чувство благоговения перед моральным законом, которое безмерно удивляло И. Канта, наряду с бескрайним звездным небом, и осуществляется их принятие. Подчинение моральному закону, по идее, должно бы препятствовать и нарушению правовых границ в действии субъекта.

Во втором случае это прагматичный путь доведения до сведения граждан информации о неотвратимости наказания. В результате формируется убеждение, что выполнять законы выгодней, чем не выполнять, тем более что пребывание в правовом поле обеспечивает стабильность и защищенность. Рассмотрим наличие предпосылок для эффективного осуществления данных возможностей в современном мире.

Совместное существование в обществе неизбежно выражается двумя диаметрально противоположными моделями поведения, описанными так или иначе в философской литературе – кооперацией и конфликтом.

Согласно О. Хеффе, модель кооперации объясняет наличие политической общности, а то, что последняя носит принудительный характер, – следствие неустранимости конфликтов, являющихся антропологической константой. Анализируя природу конфликтов, Хеффе писал: «Быть может, и есть общества с минимальным количеством конфликтов, но нет обществ совершенно бесконфликтных... Не нужно обладать специальными историческими познаниями, чтобы понимать, что хотя у человека и есть сильные социальные импульсы, но на них нельзя полагаться» [7, с. 185, 186].

Как ни странно, на современном этапе затруднение вызывает как раз объяснение модели кооперации, строящейся на основе солидарности. В современном мире, охваченном процессами глобализации, предпочтительней для достижения солидаризации ориентироваться на общечеловеческие ценности, а не на противопоставление «свой» – «чужой». Но современное общество, несмотря на объявление его посткапиталистическим, по сути своей является капиталистическим, так как сохраняется основная цель капитализма – стремление к получению максимальной прибыли. Может ли стать источником солидаризации идея накопления личного богатства, то есть то, что предлагает капитализм, который в чистом виде никогда и не подразумевал рост общественного благосостояния?

Поскольку формирование правосознания наряду с усвоением теоретической части предполагает воспитание собственным примером, то есть демонстрацию приверженности предлагаемым высшим ценностям, ключевые позиции в авангарде общества должны занимать истинные элиты, обладающие требуемыми качествами. Фактически же повсеместно в мире наблюдается кризис политических элит.

Здесь также присутствует парадокс. Если государственный аппарат функционирует без сбоев, выполняя свои функции, нет необходимости в сильном, харизматичном лидере. Работает бюрократическая (в хорошем смысле) система. Запрос на такого лидера в обществе появляется в случае, когда данная система по каким-либо причинам дает сбой. Но давать сбой она может в том

числе и в результате деградации элит. Возникает своеобразный замкнутый круг, разорвать который могла бы ротация элит. Замкнутость политических элит (а право целесообразно рассматривать в политико-правовой сфере) становится причиной усугубления кризиса. И отстранить от власти дискредитировавших себя представителей элит правовыми способами становится достаточно затруднительно.

Существует еще и фактор постмодернизма, претендующего на выражение духа современного общества во всех сферах человеческой деятельности. Он отражает и утверждает фрагментарную, множественную и нестабильную реальность нашего времени. М. Н. Эпштейн описывал последствия пребывания человека в данной реальности: «Человек все менее проецирует себя как культурного индивида на карту всего человечества и все более – на карту местной культуры или узкой специальности, с которой он чувствует себя более соизмеримым» [8]. Специализация в подходе при рассмотрении человека фрагментирует правовое сознание и не позволяет осуществить солидаризацию на основе общечеловеческих ценностей. Первый путь для достижения высокоразвитого правосознания в таких условиях недоступен. Остается надеяться на механическую солидаризацию, основанную на понимании того, что оставаться в рамках правового поля выгодней, чем выходить за них.

Выгода и польза – это сфера утилитаризма, где классической формулой определения блага является «обеспечение наибольшего счастья наибольшего числа людей» [9]. Утилитаризм – теория вполне привлекательная для многих теоретиков политико-правовой мысли вследствие определенности, наглядности результатов нормотворчества. Например, такая черта утилитаризма, как консеквенциализм, требует не голословных запретов, а указания на конкретную пользу или вред внедряемой нормы. С этих позиций, прежде чем что-либо запретить (например, гомосексуализм), объявив злом, необходимо указать на возможные риски, связанные с разрешением на это «зло».

Оставим в стороне моральную оценку утилитаризма и расплывчатость понятия «счастье», описывающего эмоциональное состояние, причины которого могут носить диаметрально противоположный, с точки зрения этики, оценочный характер. Обосновывая правовой утилитаризм, И. Бентам выдвинул ряд тезисов, один из которых звучал следующим образом: «Законам следует повиноваться, поскольку это законы (и им будут повиноваться, поскольку неповиновение повлечет наказание)». Выполнение данного требования возможно, только если: во-первых, эти законы четко прописаны, что обеспечивает возможность следовать им, во-вторых, если существует уверенность в неотвратимости наказания за совершенное правонарушение.

Лон Фуллер поставил мысленный эксперимент в области правовой действительности в виде описания правления некоего вымышленного короля Рекса, являющегося абсолютным монархом, поэтому личные приказы короля, заменяющие собой законы, должны были стать фактором, нормирующим поведение подданных. Монарх Фуллера наделен такими личностными качествами, которые в одном случае приводят к рассогласованию его слов и дел и подданным невыгодно следовать его приказам; в другом случае – к невнятности и расплывчатости приказов, что затрудняет их выполнение. На основании данного примера были выведены принципы процедурной корректности, к которым относятся публичность, ясность и понятность, последовательность, выполнимость [10].

В современных реалиях видим, что в противовес утилитарному подходу, требующему определенности правовых норм и самонепротиворечивости правовой системы, постмодернизм требует деконструкции метанарративов, к которым относится и традиционная теория права. Деконструкция приводит к релятивизму правовых норм, где нет иерархии и, следовательно, все нормы становятся равноценными, что создает трудности для того, чтобы придерживаться принципов процедурной корректности.

Что же можно сказать о втором условии – обретении уверенности в неотвратимости наказания за совершенное правонарушение?

По сути, современная глобализация представляет собой в первую очередь превращение мира в рынок. Этот процесс сопровождается волна так называемых «цветных революций» во множестве стран мира. Технология их проведения уже тщательно проработана и описана многими специалистами от Наоми Кляйн до Дж. Шарпа. «Цветные революции» производят политический порядок, выражающий «своекорыстную волю новых властителей и тех, кто их контролирует извне» [11]. Компрадорские власти на самом деле имитируют свое представительство от народа, так как источник наделения их властью, по большому счету, носит внешний характер. В связи с этим наблюдается резкое ослабление присутствия власти государства в правовом решении внутренних насущных проблем. Приоритетными становятся неформальные правила, избирательность в применении закона, выраженная циничным высказыванием: «Друзьям – все, врагам – закон». Политическая целесообразность становится выше законов. Искаженное правовое бытие порождает такое же искаженное правовое сознание.

Фуллер утверждал, что, по сути, такие правила, как «подходи к одинаковым случаям одинаково», «не меняй правила задним числом», «не держи правила в тайне» и т. д., являются требованием приверженности моральным ценностям, а именно: справедливости и честности [10]. Поэтому при их нарушении

следует ожидать не только искажения правосознания, но и моральной деградации, что приводит к росту преступности.

Искажение правосознания в современном мире имеет целый комплекс причин, одними из которых являются причины экономического характера. Высвобождение корпораций из-под власти государства благодаря ослаблению последнего ослабляет систему социальной защиты, осуществление которой является одной из важнейших функций государства. Как об этом сказал С. И. Забелин: «Очевидно, что устроенное таким образом общество в принципе не может быть правовым, поскольку громадное количество его законопослушных членов каждый день оказываются перед дилеммой – нарушить закон или умереть с голоду» [цит. по: 12]. То есть выгода от правопослушания как сдерживающий фактор ввиду особенностей экономического плана начинает терять свою силу. Таким образом, и эта возможность формирования правосознания на сегодняшний момент сталкивается с труднопреодолимыми препятствиями.

Выводы. Следует различать правовой и юридический нигилизм. Правовой нигилизм связан с патологией сущности или существования человека и пресекается принудительной изоляцией в первом случае и прекращением пребывания вне норм и законов (как во времена войны, революции), возвращением в правовое поле во втором случае.

Причина юридического нигилизма – нарушения в разработке и применении законодательных актов, связанных с комплексным кризисом, затрагивающим социальную, экономическую, политико-правовую сферы. Все призывы к воспитанию правосознания будут носить декларативный характер без устранения вышеописанных объективных причин, приводящих к его искажению.

Дальнейшее уточнение понятий «правовой нигилизм» и «юридический нигилизм» будет способствовать уменьшению внутренних противоречий в концептуальных схемах правовой науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Максимов С. І. Верховенство права: світоглядно-методологічні засади. *Вісник Національної юридичної академії України імені Ярослава Мудрого. Серія: Філософія, філософія права, політологія, соціологія* / редкол.: О. Г. Данильян та ін. Харків: Право, 2016. Вип. 4 (31). С. 27–35.
2. Бачинин В. А. Морально-правовая философия. Харьков: Консум, 2000. 208 с.
3. Ромашов Р. А. Право – язык и масштаб свободы. URL: <https://law.wikireading.ru/8989> (дата обращения: 24.11.2020).
4. Ильин И. А. О сущности правосознания. URL: <http://magister.msk.ru/library/philos/ilyin/ilyin07.htm> (дата обращения: 15.11.2020).

5. Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2003. 512 с.
6. Туманов В. А. О правовом нигилизме. URL: <http://faclaw.narod.ru/tgp/tgp7.htm> (дата обращения: 21.11.2020).
7. Хеффе О. Политика, право, справедливость: основоположения критической философии права и государства / пер. с нем. В. С. Малахов при участии Е. В. Малаховой. Москва: Гнозис, 1994. 319 с.
8. Эпштейн М. Информационный взрыв и травма постмодерна. URL: <http://old.russ.ru/journal/travmp/98-10-29/epsht.htm> (дата обращения: 05.11.2020).
9. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства / пер. с англ. Б. Г. Капустина. Москва: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 1998. 416 с.
10. Фуллер Л. Мораль права / пер. с англ. Н. Комарова. URL: <http://filoslib.narod.ru/files/FullerMoralPrava.PDF> (дата обращения: 30.10.2020).
11. Панарин А. С. Искушение глобализмом. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/П/panarin-aleksandr-sergeevich/iskushenie-globalizmom> (дата обращения: 10.11.2020).
12. Смотрицкий Е. Глобализация и люмпенизация. Социальные корни преступности. URL: <https://proza.ru/2018/01/19/2211> (дата обращения: 18.12.2020).

REFERENCES

1. Maksymov, S. I. (2016). Verkhovenstvo prava: svitohliadno-metodolohichni zasady. *Visn. Nats. yuryd. akad. Ukrainy im. Yaroslava Mudroho. Seriiia: Filosofiia, filosofiia prava, politolohiia, sotsiolohiia*, 4, 27–35. [In Ukrainian].
2. Bachinin, V. A. (2000). *Moral'no-pravovaya filosofiya*. Xar'kov: Konsum [in Russian].
3. Romashov, R. A. (1999). *Pravo – yazyk i masshtab svobody*. URL: <https://law.wikireading.ru/8989> [in Russian].
4. Il'in, I. A. (1999). O sushhnosti pravosoznaniya. URL: <http://magister.msk.ru/library/philos/ilyin/ilyin07.htm> [in Russian].
5. Matuzov, N. I. (2003). *Aktualnye problemy teorii prava*. Saratov: Izdatelstvo Saratovskoj gosudarstvennoj akademii prav [in Russian].
6. Tumanov, V. A. (1999). O pravovom nigilizme. URL: <http://faclaw.narod.ru/tgp/tgp7.htm> [in Russian].
7. Xeffe, O. (1994). *Politika, pravo, spravedlivost: osnovopolozheniya kriticheskoy filosofii prava i gosudarstva*. Moskva: Gnozis [in Russian].
8. Epshtejn, M. (1999). *Informacionnyj vzryv i travma postmoderna*. URL: <http://old.russ.ru/journal/travmp/98-10-29/epsht.htm> [in Russian].
9. Bentam, I. (1998). *Vvedenie v osnovaniya nrvstvvennosti i zakonodatel'stva*. Moskva: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN) [in Russian].
10. Fuller, L. (1999). *Moral' prava*. URL: <http://filoslib.narod.ru/files/FullerMoralPrava.PDF> [In Ukrainian].
11. Panarin, A. S. (1999). *Iskushenie globalizmom*. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/П/panarin-aleksandr-sergeevich/iskushenie-globalizmom> [in Russian].

12. Smotriczkij, E. (1999). Globalizaciya i lyumpenizaciya. Social'ny'e korni prestupnosti. URL: <https://proza.ru/2018/01/19/2211> [in Russian].

Дишкант Тетяна Миколаївна, кандидат філософських наук,
доцент кафедри філософії Національного технічного університету
«Харківський політехнічний інститут», Україна

ПРО СУТНІСТЬ І ГЕНЕЗИС ПРАВОВОГО НІГІЛІЗМУ ТА МОЖЛИВОСТІ ЙОГО ПОДОЛАННЯ

У статті акцентується увага на не завжди коректному використанні термінології в літературі, присвяченій проблемам права, що пов'язано з розпливчастістю і багатозначністю деяких понять. На цій підставі уточнюється значення поняття «правовий нігілізм», яке відносять до сфери правосвідомості. Обумовлена необхідність розрізняти сутність і причини даного негативного явища, що полегшує пошук підходів до його подолання. Проаналізовані основні можливості формування правової свідомості. З'ясовано, що ефективно вирішення дана проблема може мати тільки за умови аналізу цілого комплексу об'єктивних причин, в основному політичного та економічного характеру.

Ключові слова: право, закон, правовий нігілізм, юридичний нігілізм, формування правосвідомості, фактор постмодернізму.

Dyshkant Tetiana Mikolaivna, candidate of Philosophy, lecturer,
National Technical University «Kharkov Polytechnic Institute»,
Ukraine

ON THE ESSENCE AND GENESIS OF LEGAL NIHILISM AND THE POSSIBILITIES OF ITS OVERCOMING

Problem setting. *When the defining word «legal» is added to the concept of «nihilism», new meanings arise, which requires checking how correctly this phrase is used in legal sciences. To preserve statehood, it is important to understand the essence and genesis of legal nihilism.*

Recent research and publications analysis. *Despite the presence of attention to this important problem, both in the domestic and foreign literature devoted to the problems of law, there is still enough uncertainty in understanding the essence and causes of legal nihilism, which requires clarification and correction.*

Paper objective. *It is necessary to clarify the meaning of the concept of «legal nihilism» by comparing this phenomenon with various forms of manifestation and thereby*

concretize its essence and origins. This will allow, in turn, determining the possibilities of overcoming it.

Paper main body. *The article actualizes the problem of the conceptual apparatus of legal sciences, which is associated with the vagueness and ambiguity of some concepts, including the concepts of «natural law» and «law». Ambiguity of the concept of law both as a goal and as a tool can become a source of legal conflicts. By clarifying this concept, it is possible to come to a deeper understanding of the concept of «legal nihilism», which is important for the field of law. The analysis of types of legal nihilism leads to the conclusion that it is necessary to distinguish between natural law and law, recognizing the primary role of human rights and the instrumental role of law.*

Two non-mutually exclusive opportunities to avoid nihilism associated with the education of citizens of legal consciousness are considered. The first is related to the education of respect for universal human values and their acceptance. Submission to the moral law, in theory, should prevent the violation of legal boundaries in the action of the subject. In the second case, this is a pragmatic way of bringing to the attention of citizens information about the inevitability of punishment. As a result, the conviction is formed that it is more profitable to comply with laws than not to comply, especially since being in the legal field ensures stability and security.

The presence of prerequisites for the effective implementation of these opportunities in the modern world is analyzed. At the same time, modern realities were taken into account, for example, such as the processes of globalization and the factor of postmodernism.

Conclusions of the research. *The reason for legal nihilism is violations in the development and application of legislative acts associated with a complex crisis affecting the social, economic, political and legal spheres. All calls for the education of legal consciousness will be declarative in nature without eliminating the objective reasons leading to its distortion.*

Keywords: *natural law, law, legal nihilism, the formation of legal consciousness, the factor of postmodernism.*

